

О СИСТЕМНЫХ СВЯЗЯХ РУССКОГО СЛОВООБРАЗОВАНИЯ С ГРАММАТИКОЙ

JERZY KALISZAN

Словообразовательная и грамматическая системы русского языка находятся, как известно, в тесном и постоянном взаимодействии. С одной стороны, словообразование детерминирует внутренний динамизм грамматической системы, участвуя в развитии и формировании отдельных ее морфологических категорий. С другой стороны, динамика и характер словообразовательных процессов, соотношение отдельных слово-производственных типов и способов, выбор и продуктивность определенных деривационных средств во многом зависят от категориально-грамматических и формально-грамматических параметров базовых (производящих) слов. Кроме того, образование слов нередко осуществляется при помощи средств и механизмов, составляющих типичную принадлежность грамматического уровня.

Применительно к русскому языку факты обусловленности грамматических явлений действием словообразовательных процессов изучены достаточно полно¹, значительно слабее взаимосвязь слово-

¹ См., напр., работы: К. А. Левковская, О словообразовании в его отношении к грамматике. В: Вопросы теории и истории языка, Москва 1952; В. В. Виноградов, Исследования по русской грамматике, Москва 1975, с. 178-184; Русская грамматика 1, Academia Praha 1979, с. 523, 601, 624-626, 652; Ю. С. Азарх, Словообразование и формобразование существительных в истории русского языка, Москва 1984, главы 1-2; Н. Е. Маркарьян, Г. А. Николаев, Сопоставительное словообразование и формобразование русского и польского языков, Казань 1990, с. 14-16; Е. Калишан, О роли словообразования в развитии грамматических процессов (на примере русских имен существительных), „Studia Rossica Posnaniensia”, nr 28, Poznań 1998.

образовательной и грамматической систем исследована в обратном направлении – в плане зависимости словообразования от грамматики. Этот аспект анализа и составляет тему настоящей статьи.

В плане грамматической обусловленности словообразовательных процессов специального внимания заслуживают, в первую очередь, малоизученные до сих пор разнообразные типы соотношений деривационных моделей с морфологическими или лексико-грамматическими категориями базовых слов – с категориями транзитивности-интранзитивности, перфективности-имперфективности, одушевленности-неодушевленности, собственности-нарицательности, качественности-относительности и пр.

Так, переходность мотивирующих глаголов, за немногими исключениями, составляет грамматическую характеристику вербального словообразовательного типа с префиксом *на-*, имеющего значение „накопить в определенном количестве с помощью действия, названного мотивирующим словом”, ср.: *натаскать* ‘таская, накопить, принести в каком-л. количестве’, *наварить*, *надергать*, *наловить*, *накупить*, *напечь*, *нацедить* и т.п. Тот же грамматический признак мотивирующих глаголов является необходимым условием реализации вербального деривационного типа с префиксом *при-* со значением дополнительности, комплементарности, репрезентируемого такими дериватами, как *прикупить* ‘купить дополнительно’, *приплатить*, *пририсовать*, *присочинить*, *присчитать* и т.п. В свою очередь, на интранзитивности исходных глаголов покоится, например, словообразовательный тип имен прилагательных с суффиксом *-л-*, объединяющий такие дериваты, как *вялый*, *гнилой*, *дряблый*, *загорелый*, *оседлый*, *отсталый*, *прелый*, *размяклый*, *смелый*, *талый*, *устарелый*, *хриплый* и мн. др.²

Переходность или непереходность базовых глаголов, кроме того, может служить средством дифференциации омонимичных деривационных типов или их семантических подтипов. Так, например, предметно-инструментальные имена с суффиксом *-тель* мотивируются только переходными глаголами, ср. *отражатель*, *выключатель*, *разбрызгиватель*, *краситель*, в то время как для личных имен с тем же суффиксальным формантом признак переходности-непереходности мотивирующих глаголов оказывается совершенно нерелевантным, ср. *писатель*, *исследователь*, *хранитель* и *житель*, *руководитель*, *распорядитель*.

Многие типы deverбальных дериватов тесно связаны с видовыми (аспектуальными) характеристиками базовых глаголов. Например, субстантивные наименования с суффиксами *-ач*, *-ун*, *-ак(а)*, *-аг(а)*, *-л(а)*,

2 Ср.: Русская грамматика, под. ред. Н. Ю. Шведовой, т. 1, Москва 1980, с. 297.

-льщик, *-лк(а)*, *-льник*, *-льн(я)* возможны только от глаголов несовершенного вида, ср.: *тренаж*, *дрыгач*, *толкач*; *бегун*, *говорун*, *хохотун*; *писака*, *кривляка*, *ломака*; *бродяга*, *нудяга*, *трудяга*; *зубрилка*, *кутилка*, *ловчила*; *вязальщик*, *носильщик*, *рисовальщик*³; *прялка*, *зажигалка*, *мазилка* (исключение: *распялка* – от глагола совершенного вида *распять*); *будильник*, *паяльник*, *полольник*; *читальня*, *спальня*, *красильня*. Только имперфективными глаголами мотивируются также имена прилагательные с суффиксом *-к-* с типовым значением „склонный к действию, названному мотивирующим словом” – такие, как *варкий*, *едкий*, *знобкий*, *колкий*, *ломкий*, *ноский*, *плавкий*, *садкий* (*садиться*, о ткани) и под.

В ряде случаев вполне очевидными представляются факты связанности словообразовательных типов с лексико-грамматическими рядами базовых слов. Так, адъективные модели с суффиксальными морфемами *-ианск-*, *-анск-*, *-инск-*, *-ийск-* находятся, так сказать, в „частном” распоряжении имен существительных собственной семантики, так как по этим моделям образуются, за буквально единичными исключениями, отфамильные и оттопонимические прилагательные, напр.: *Вагнер* – *вагнерианский*, *Потебня* – *потебнианский*, *Нищие* – *нищиеанский*, *Фихте* – *фихтеанский*; *Бирма* – *бирманский*, *Венеция* – *венецианский*, *Чита* – *читинский*, *Ялта* – *ялтинский*, *Альпы* – *альпийский*, *Мальта* – *мальтийский*.

Некоторые структурные модели дериватов напрямую связаны с признаком одушевленности-неодушевленности базовых слов. Например, адъективная модель с формантом *-иный* полностью подчинена одному типу мотивирующих – названиям животных (здесь, заметим, дополнительно обнаруживается и тесная связь словообразования с лексикой), ср.: *лев* – *львиный*, *лошадь* – *лошадный*, *муравей* – *муравьиный*, *орел* – *орлиный*, *петух* – *петушиный*, *сова* – *совиный* и т.п. С одушевленностью базовых существительных крепко и однозначно связана также деривационная модель прилагательных смешанного склонения с суффиксом *-ий*, мотивированных только названиями лиц и животных, напр.: *рыбак* – *рыбачий*, *мужик* – *мужичий*, *вдова* – *вдовий*, *внук* – *внучий*; *белка* – *беличий*, *медведь* – *медвежий*, *носорог* – *носорожий*, *пескарь* – *пескарий*, *птица* – *птичий*.

Четкая зависимость словопроизводственных моделей от лексико-грамматической характеристики базовых слов налицо и в случае образования названий абстрактных признаков на *-изна*, *-ота* и *-ина* – таких, как *белизна*, *крутизна*, *новизна*, *глухота*, *добродота*, *синета*, *глубина*, *седина*, *тишина*. Этого рода дериваты последовательно соотносятся лишь с

3 В специальной лексике можно встретить единичные случаи образований на *-льщик* от глаголов совершенного вида: *склепать* – *склепальщик* и *скидать* – *скидальщик* (см. об этом в работе, указанной в сн. 2, с. 144).

качественными прилагательными. Им можно противопоставить названия абстрактных признаков на *-ость*, одинаково возможные как от качественных, так и от относительных прилагательных, ср. *бледность, смелость, хитрость, храбрость* и *враждебность, жизненность, осязаемость, советскость*.

Глубокая связь словообразования с грамматикой ярко проявляется также в плане обусловленности реализации некоторых деривационных моделей чисто формальными (формально-грамматическими) характеристиками базовых лексем. Так, образование существительных на *-ость* без каких-либо ограничений осуществляется только на базе прилагательных с флексией *-ый*, ср. *новый* – *новость*, *конкретный* – *конкретность*, *необычный* – *необычность*, *безутешный* – *безутешность*; прилагательные же с ударной флексией *-ой* (типа *былой, деловой, огневой, озорной, рядовой, слепой*) исключительно редко бывают мотивирующими для существительных данного структурного типа, ср. *гнилой* – *гнилость, молодой* – *молодость, слоговой* – *слоговость, цветной* – *цветность* и немногие другие⁴. В сфере отглагольного субстантивного словообразования возможность реализации ряда суффиксальных типов однозначно предопределена классной принадлежностью потенциально мотивирующих глаголов. Например, существительные с формантом *-тель* широко образуются от инфинитивных основ на гласный, ср. *мечтать* – *мечтатель, проигрывать* – *проигрыватель, жить* – *житель, красить* – *краситель*, от основ же на согласный образований на *-тель* почти нет⁵.

В некоторых случаях морфологический облик мотивирующего слова диктует выбор соответствующего способа деривации. Так, от существительных адъективного склонения типа *рабочий, животное, насекомое, прилагательное* затруднено образование прилагательных обычным, суффиксальным путем, в связи с чем такие прилагательные последовательно создаются флексийным (парадигматическим) способом, ср.: *рабочий поселок, рабочее население, животный инстинкт, животное масло, насекомый гуд, насекомая коллекция, прилагательная парадигма, прилагательные основы*⁶.

Формально-грамматическими свойствами слова, кроме того, могут иногда детерминироваться и его словообразовательные потенции.

Например, подавляющее большинство нарицательных несклоняемых существительных иноязычного происхождения обладает нулевым деривационным потенциалом. Так, согласно данным *Словообразовательного словаря русского языка* А. Н. Тихонова, полностью лишено своих дериватов около 350 несклоняемых существительных. Это такие слова, как *авеню, бистро, боа, казино, кимоно, крупье, меню, монпансье, мотто, пони, пюре, рагу, ревью, рококо, салями, турне, шасси, эмбарго, янки* и мн. др. Если подобного типа слова и вовлекаются в круг деривационных процессов, особенно процессов суффиксации, то обычно дают всего лишь по одному, реже по два деривата, напр.: *жалюзи* – *жалюзийный, ралли* – *раллист, депо* – *деповский, деповец, домино* – *доминошный, доминошник*. Исключение составляют здесь только широкоупотребительные слова *кофе, пальто, шоссе* и некоторые другие, характеризующиеся высокой деривационной активностью, ср.: *кофе* – *кофейк, кофейшко, кофейника, кофеин, кофейник, кофейница, кофейня, кофейный, кофейничать; пальто* – *пальтецо, пальтишко, пальтушка, пальтошник, пальтовый; шоссе* – *шоссейка, шоссеец, шоссейник, шоссейный, пришоссейный, шоссировать*.⁷

Несклоняемость имен существительных – не только указанного выше типа – имеет свои серьезные последствия на уровне морфонологической организации словообразовательных процессов. Дело в том, что эти имена, используя в роли мотивирующих, приводят к резкому увеличению удельного веса интерфиксации в словопроизводных актах, а также активизируют явления усечения базовых основ и наложения (интерференции, суперпозиции) морфов. Так, регулярное использование интерфиксальных элементов можно проиллюстрировать следующими примерами: *купе* – *купе-й-ный, реле* – *реле-й-ный, Мали* – *мали-й-ский, Душанбе* – *душанбе-н-ский, домино* – *домино-ш-ный, кино* – *кино-ш-ный, кабаре* – *кабаре-т-ный, комильфо* – *комильфо-т-ный, ГЭС* – *гэс-ов-ский, ООН* – *оон-ов-ский, кофе* – *кофе-й-ник, реле* – *реле-й-цик, Капри* – *капри-й-цы, Сомали* – *сомали-й-цы*. Усечение мотивирующих основ демонстрируют такие деривативные пары, как *пальто* – *пальт-ишко, кенгуру* – *кенгур-енок, каноэ* – *кано-ист, чека* – *чек-ист, Тбилиси* – *тбилис-ский, декольте* – *декольт-ировать* и т.п. Наложение морфов имеет место в таких, например, парах, как *регби* – *регбист, наци* – *нацист, НАТО* – *натовец, пальто* – *пальтовый*. Иногда можно наблюдать усечение базовой основы с последующим совмещением ее предфинальной фонемы с инициальной фонемой суффикса, ср.: *камбио* – *камбист, радио* – *радист, радировать*.

4 Шире об этом см.: Н. А. Еськова, О структурных ограничениях в словообразовании существительных, „Вопросы культуры речи”, вып. 5, Москва 1964, с. 137-139; Е. А. Земская, Современный русский язык. Словообразование, Москва 1973, с. 197-198.

5 Г. И. Рожкова, Очерки практической грамматики, Москва 1987, с. 100-101.

6 В. Н. Немченко, Современный русский язык. Словообразование, Москва 1984, с. 130-131.

7 Следует, однако, иметь в виду следующее: существительное *кофе* имеет просторечные склоняемые варианты *кофей* и *кофий*; существительное *пальто* в разговорной речи обнаруживает сильную тенденцию к склоняемости.

В аспекте грамматической обусловленности словообразовательных процессов наряду с охарактеризованными выше фактами не меньшего внимания заслуживают случаи использования грамматических средств и механизмов в словообразовательных целях. Здесь имеется в виду применение в роли деривационного форманта морфологической парадигмы или каких-либо отдельных ее звеньев, а также преобразование некоторых формообразующих аффиксов в словообразовательные.

Например, при так называемом безаффиксном способе словообразования (именуемом также фонетико-морфологическим способом или способом нулевой суффиксации) производное слово фактически создается посредством изменения словоизменительной парадигмы, замены системы окончаний (флексий) производящего слова, ср.: *глухой* – *глушь*, *синий* – *синь*, *третий* – *треть*, *злой* – *зло*, *добрый* – *добро*, *кум* – *кума*, *супруг* – *супруга*, *критика* – *критик*, *этнография* – *этнограф*, *выходить* – *выход*, *ловить* – *ловля*, *проходить* – *прохожий*, *всходить* – *всхожий*, *отец* – *отчий*, *золото* – *золотой*, *пять* – *пятый*, *сто* – *сотый* и т.п. В приведенных случаях мена парадигмы (системы флексий) базового слова играет роль словообразовательного форманта, аналогичную роли деривационных морфем.

В ряде структурных типов функцию словообразовательного форманта мена словоизменительной парадигмы может выполнять и наряду со словообразующим аффиксом, например префиксом, ср.: *ловить* – *улов*, *косить* – *укос*, *знобить* – *озноб*, *песок* – *песесь*, *дно* – *бездна*, *друг* – *подруга*, *синий* – *просинь*, *седой* – *проседь*, *зеленый* – *прозелень*, *зуб* – *беззубый*, *палец* – *беспалый*, *зима* – *озимый*, *лапа* – *разпалый* и т.п.⁸

Мену системы окончаний можно рассматривать в качестве деривационного средства и при субстантивации имен прилагательных. В этом случае происходит сокращение системы окончаний производящих слов: производные существительные (субстантиваты) перенимают окончания лишь одного из трех родов или только множественного числа; ср., с одной стороны, *богатый Adj* – *богатый* ‘богач’, *горбатый Adj* – *горбатый* ‘горбун’, *скорый Adj* – *скорый* ‘поезд’, *детская Adj* – *детская* ‘комната’, *буровая Adj* – *буровая* ‘вышка’, *снотворное Adj* – *снотворное* ‘средство’, *сухое Adj* – *сухое* ‘вино’ и, с другой стороны, *духовые Adj* – *духовые* ‘инструменты’, *позывные Adj* – *позывные* ‘сигналы’, *премиальные Adj* – *премиальные* ‘деньги’, *яровые Adj* – *яровые* ‘сельскохозяйственные культуры’. В первом случае (*горбатый Adj* – *горбатый Sub*, *буровая Adj* – *буровая Sub* и т.д.) автоматически наступает качественное преобразование

⁸ Подобного рода случаи рассматривает В. Н. Немченко, см.: В. Н. Немченко, указ. соч., с. 131.

в производном слове категории грамматического рода базового слова: из словоизменительной она превращается в классификационную; во втором случае (*духовые Adj* – *духовые Sub* и т.д.) имеет место образование плюративов.

Субстантивации прилагательных противостоят случаи образования прилагательных от существительных адъективного склонения, где, в свою очередь, наблюдается расширение в производном слове родовой парадигмы базового слова и превращение ее из классификационной в словоизменительную, ср.: *рабочий Sub* – *рабочий Adj* (*рабочий* поселок, *рабочая* демонстрация, *рабочее* население), *животное Sub* – *животный Adj* (*животный* инстинкт, *животная* жизнь, *животное* масло), *насекомое Sub* – *насекомый Adj* (*насекомый* гуд, *насекомая* коллекция, *насекомое* лицо), *прилагательное Sub* – *прилагательный Adj* (*прилагательный* характер основы, *прилагательная* парадигма, *прилагательное* склонение)⁹. Расширение родовой парадигмы в отдельных случаях может выполнять функцию коформанта в сочетании со словообразовательным аффиксом, ср.: *прилагательное Sub* – *отприлагательный* ‘отадъективный, деадъективный’ (*отприлагательный* глагол, *отприлагательная* форма, *отприлагательное* образование); *существительное Sub* – *отсуществительный* ‘отсубстантивный, десубстантивный’ (*отсуществительный* дериват, *отсуществительная* деривация, *отсуществительное* междометие); *числительное Sub* – *отчислительный* ‘денумеральный’ (*отчислительный* глагол, *отчислительная* форма, *отчислительное* наречие).

Нередко производные слова образуются путем лексикализации какой-либо формы слова – ее отрыва, изоляции от соответствующей системы форм и преобразования в отдельное слово¹⁰. При превращении форм слов в слова словообразование осуществляется средствами словоизменения, т.е. посредством флексий, которые тем самым приобретают функцию словообразовательных аффиксов. Так, например, в наречиях, возникших из падежных форм имен существительных, типа *чудом*, *градом*, *шагом*, *шепотом*, *калачиком*, *авансом*, *стороной* и т.п., *утром*, *днем*, *вечером*, *ночью*, *зимой*, *весной*, *летом*, *осенью*, *порой*, *временами*, *месяцами* и т.п. или *капельку*, *чутьочку* окончания творительного или винительного падежей превратились в адвербиальные суффиксы. Явление превращения

⁹ В случаях, когда производящее существительное адъективного склонения является результатом субстантивации омонимичного прилагательного, можно говорить об обратной транспозиции существительного-транспозитива, ср.: *рабочий Adj* (*рабочий* день) – *рабочий Sub* (горные *рабочие*) – *рабочий Adj* (*рабочий* район). См. об этом: О. М. Ким, Транспозиция на уровне частей речи и явление омонимии в современном русском языке, Ташкент 1978, с. 111.

¹⁰ В. В. Виноградов, указ. соч., с. 180.

конкретных падежных флексий в словообразующие суффиксы наблюдается и в наречиях типа *вверх, внизу, вдогонку, в шутку, вначале, впопыхах, добела, доверху, засветло, накрест, наудачу, на ходу, на днях, поверху, посредине, слева, сначала, смолоду* и т.п., где дополнительно имеет место трансформация предлога в приставку.

Лексикализация отдельных грамматических форм, преобразование их в самостоятельное слово налицо и в других, менее типизированных, случаях. Например, существительное *суть* возникло на базе формы 3-го лица множественного числа глагола *быть* в настоящем времени; существительное *поцелуй* является результатом транспозиции в отдельную лексему императивной формы глагола *поцеловать*; наречие *почти* восходит к повелительной форме древнерусского глагола *почести* 'счесть'; просторечное наречие *больно* 'очень, слишком' восходит к краткой форме среднего рода прилагательного *больной*; наречия *играючи, припеваючи, молча, стоя, сидя, лежа* представляют собой лексикализованные формы деепричастий (в отдельных случаях они могут отличаться от деепричастий ударением); деепричастные формы лежат также в основе предлогов *благодаря, несмотря, невзирая*; междометия *ужас!, караул!, марш!, батюшки!* и др. обязаны своим возникновением падежным формам соответствующих имен существительных. Подобного рода примеров субстантивации, адвербиализации и препозиционализации глагольных форм или адвербиализации и интеръективации именных форм можно было бы привести значительно больше.

Лексикализация грамматических форм может охватывать не только какие-либо отдельные члены словоизменительных парадигм, но иногда и целые словоизменительные парадигмы. Так, например, старая парадигма множественного числа существительных *небо* и *тело*, репрезентируемая в именительном падеже формами *небеса, телеса*, в настоящее время находится уже в полной изоляции от парадигмы единственного числа указанных существительных. Звуковые комплексы *небо* и *небеса* или *тело* и *телеса* – это фактически уже разные слова: *небо* 'атмосфера над землей' – *небеса* 'пространство над землей как воображаемое местопребывание Бога, рай' или 'то же, что небо, но в поэтическом языке'; *тело* 'отдельный предмет или вещество', 'организм человека или животного в его физической форме' – *телеса* 'тело толстяка или толстухи'. Таким образом, бывшие формы множественного числа существительных *небо* и *тело* являются сегодня формами автономных лексем, относящихся к категории плюративов¹¹.

11 Данный пример лексикализации форм множественного числа приводит Ю. С. Степанов, см.: Ю. С. Степанов, Основы общего языкознания, Москва 1975, с. 157.

На фоне указанных выше примеров лексикализации более типизированный характер носит лексикализация форм множественного числа, осуществляемая при сохранении множественной парадигмы. Она имеет место при образовании плюративов типа *капли* 'лекарство', *карты* 'колода игральных карт', *кегли* 'игра', *шашки* 'игра', *ноты* 'текст музыкального произведения', *слова* 'текст вокального произведения' и т.п. Плюративы данного типа имеют значение сложносоставности, коллективно-целостного множества, т.е. качественно новое значение еще по сравнению с чисто грамматическим значением разделительного, расчлененного множества. И в этом смысле их можно считать не формами соответствующих слов, а отдельными (производными) словами¹².

Как видно, использование системы грамматических окончаний или отдельных ее звеньев в качестве словообразовательного средства (форманта) оказывается достаточно характерным явлением русской деривации. К этой группе явлений можно еще отнести случаи словообразовательной адаптации флексивных морфем в качестве интерфиксов – асемантических структурных элементов, выполняющих чисто соединительную роль в составе композитов и являющихся в них частью словообразовательного форманта. В этой роли стандартно выступают десемантизированные флексии имен числительных, ср.: *двухсотый, пятитомный, сорокаградусный, двучлен, трилистник* и т.п. Реже наблюдается использование в функции интерфиксов флексивных показателей слов других, чем числительное, частей речи, ср.: *всечасный, повседневный, всезнайка, себялюбец, перекасти-поле, держиморда, сорвиголова, гуляйгород* и др.; ср. также разговорные сложения *дядистепин* (мужик *дядистепина* роста), *тетивалин* (*тетивалина* просьба), *Настасьи Петровнин* (*Настасьи Петровнино* платье) и т.п.¹³ Интерфиксальные элементы в составе слов указанных выше типов иногда обозначаются термином „застывшие флексии”¹⁴.

Кроме флексивных (синтаксических) аффиксов, в роли словообразовательных формантов иногда применяются и формообразующие (несинтаксические) аффиксы. Например, глагольный постфикс *-ся*, обладающий примарно грамматической функцией и используемый при образовании залоговых (возвратных) глагольных форм, может выражать

12 Отметим, однако, что этого типа плюративные образования не всеми признаются самостоятельными вокабулами. П. А. Соболева, например, видит в них специфические формы множественного числа соответствующих лексем. См.: П. А. Соболева, Словообразовательная полисемия и омонимия, Москва 1980, глава IV.

13 Русская грамматика, под ред. Н. Ю. Шведовой, т. 1, Москва 1980, с. 319.

14 См., напр.: М. Ф. Лукин, О традиционном и новом понимании флексии в современном русском языке, „Русский язык в школе” 1989, № 1, с. 87.

также некоторые оттенки лексических значений глаголов, ср.: *знать* – *знать*, *мыть* – *мыться* ‘мыть себя’, *сдать* – *сдаться* ‘прекратив сопротивление, признать себя побежденным’, *строить* – *строиться* ‘строить себе дом’, *веселить* – *веселиться*, *торопить* – *торопиться* и т.п. Словообразовательная функция постфикса *-ся* особенно заметна тогда, когда он сочетается с непереходными глаголами, ср.: *звонить* – *звониться*, *стучать* – *стучаться*, *грозить* – *грозиться*, *плакать* – *плакаться* (слова на *-ся* выражают оттенок интенсивности или настойчивости в осуществлении действия) или *белеть* – *белеться*, *краснеть* – *краснеться*, *чернеть* – *чернеться* (слова на *-ся* выражают оттенок неопределенности, слабости выявления признака). В таких случаях, как указывал В. В. Виноградов, грамматическая роль постфикса *-ся* заменяется чисто словообразовательной, а „категория залога из грамматики перемещается в лексикологию”¹⁵.

Чисто словообразовательная роль постфикса *-ся* ярко проявляется также в смешанных способах глагольной деривации – в префиксально-постфиксальном: *вдуматься*, *выспаться*, *дождаться*, *зачитаться*, *нагуляться*, *отдышаться*, *прислушаться*, *разъехаться*; в суффиксально-постфиксальном: *брататься*, *гнездиться*, *ежиться*, *искриться*, *колоситься*, *красоваться* (от *краса*), *охотиться* (от *охота*), *суетиться* (от *суета*), *гордиться*, *кучерявиться*, *резвиться*, *скупиться* (от *скупой*), *упрямиться*; в префиксально-суффиксально-постфиксальном: *окрыситься*, *приводниться*, *подбочениться* (от *бок*), *проитрафиться*, *усомниться* (от *сомнение*), *искособочиться* (от *кособокий*), *осмелиться* (от *смелый*), *прохудиться* (от *худой*), *расщедриться* (от *щедрый*), *переговариваться* (от *говорить*), *перешептываться* (от *шептать*).

Наряду с явлениями синкретизма, когда один и тот же аффикс способен выражать как грамматические, так и словообразовательные значения, русскому языку известны и случаи полного перехода грамматических формообразующих морфем в категорию словообразующих. Так, например, суффикс *-уч/-ач-*, использовавшийся в древнерусском языке для образования действительных причастий настоящего времени, в современном русском языке выступает как словообразовательный суффикс, активно участвующий в деривации отглагольных имен прилагательных типа *гремучий*, *вонючий*, *дремучий*, *кипучий*, *линочий*, *ползучий*, *трясучий*, *хрипучий*, *бродячий*, *висячий*, *зрячий*, *кусачий*, *стоячий*, *ходячий* (словари отмечают свыше 60-ти этого рода

производных лексем). Иным, не менее ярким, примером функциональной транспозиции морфем может служить морфема *-л-*, из первоначально формообразующего – причастного – суффикса превратившаяся в словообразующий суффикс, отличающийся сегодня исключительно высокой продуктивностью в сфере производства отглагольных имен прилагательных, ср.: *блеклый*, *вялый*, *заиндевелый*, *заплесневелый*, *мерзлый*, *мяклый*, *обнищальный*, *озверелый*, *оробелый*, *пожолклый*, *порыжелый*, *прелый*, *прокислый*, *прототельный*, *талый*, *хриплый* и т.п. (современные словари регистрируют свыше 250-ти такого рода дериватов).

Итак, в настоящей статье были описаны разнообразные аспекты межуровневых – грамматико-словообразовательных – соотношений, в которых имеет место явное воздействие морфологической системы на характер протекания деривационных процессов. Охарактеризованные и проиллюстрированные здесь случаи, естественно, не исчерпывают полной картины зависимостей словообразования от грамматики. Автор статьи пытался лишь определить перспективы глобального изучения намеченной в ней проблематики.

¹⁵ В. В. Виноградов, *Русский язык. Грамматическое учение о слове*, Москва – Ленинград 1947, с. 648.